

М. В. Шиловский

**Политические процессы в Сибири
в период Первой мировой войны (июль 1914 - февраль 1917 г.)**

Начало 1917 г. в Сибири ничем не предвещало вступления в стадию мощного социального катаклизма. Ежемесячные отчеты местных жандармских управлений в 1916 и первые месяцы 1917 г. стереотипно констатировали, что в подведомственных им территориально-административных образованиях (губерниях и областях) "деятельности правоохранительственных организаций не проявлялось, революционных изданий они не издавали и не распространяли, своих типографий не имели"¹. Иногда защитники престола пытались пояснить сложившуюся ситуацию. Например, помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ) в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском уездах рапортовал 1 марта 1916 г.: "За истекший январь месяц не замечено какого-либо революционного движения во вверенном мне районе. Есть несколько попыток среди политических ссыльных, главным образом социал-демократов, образовать организацию, но идет пока чисто подготовительная работа, не вылившаяся в какую-то определенную форму и не выявившая политическую окраску предполагаемой организации"².

Реальную опасность правоохранительные органы связывали с деятельностью политических ссыльных. Но и здесь ситуация, казалось бы, находилась под контролем. "В районе г. Иркутска и Иркутской губернии, — доносили 7 августа 1916 г. местные жандармы, — имеется большое количество политических ссыльных, членов Российской социал-демократической партии, партии социалистов-революционеров и анархистов-коммунистов, которые не оставляют мысли о революционной работе тотчас после окончания войны, но в настоящее время названные члены революционных партий бездействуют: частью потому, что считают всякие революционные выступления в настоящее время вредными для государства, а частью в силу того, что, ввиду призыва народных масс в войска, отсутствует почва для их деятельности"³.

Тем не менее жандармы фиксировали к началу 1917 г. рост недоверия к власти и ожидание каких-то существенных подвижек в столице. Начальник Томского ГЖУ 28 февраля 1917 г. уже в пустоту сообщал: "По имеющимся в управлении, не проверенным формальным порядком, сведениям, среди социал-демократов в городе Новониколаевске пока партийной работы нет и настроение спокойное, но все взоры как с.-д., так и вообще рабочего класса обращены на Государственную Думу, а также на петроградских рабочих"⁴. В январе 1917 г. они перлюстрировали письмо депутата

4-й Государственной думы от Енисейской губернии С. В. Востротина о кризисной ситуации в столицах и рекомендации "провинции ждать и быть готовыми ко всяким событиям, которые почти неизбежны"⁵

Реально же население региона прежде всего беспокоил рост цен и появление первых признаков разрухи. Корреспондент иркутской газеты сообщал по этому поводу: "Беженская волна, хлынувшая в Сибирь в 1915 г., в минувшем оседала здесь и производила некоторые подвижки в укладе городской и деревенской жизни. Развернулась во всей неприглядности продовольственная разруха. Обильная и богатая Сибирь почувствовала острый недостаток в продуктах самой первой необходимости, объявились и здесь прелести так называемого расстройтва транспорта. Привычная к ненасытным аппетитам торговых посредников, Сибирь ахнула от того явления, которое приобрело скромное имя „спекулянт"... Обильная и богатая Сибирь перестала в этом году быть тылом"⁶ В какой-то степени отношение местного населения к ситуации выразил крестьянин Кондратов, заявивший, что "власть, при которой пачка спичек стоит 25 коп., да и ту нигде не купишь, надо уничтожать"⁷

Уже начальный период войны был отмечен в Западной Сибири массовыми бунтами мобилизованных, отличавшимися масштабностью и упорством. В частности, в Новониколаевске в последней декаде июля трижды происходили широкомасштабные столкновения призванных в армию с полицией и войсками с использованием огнестрельного оружия, в результате которых убито 31 и ранено 65 человек⁸ Данное обстоятельство позволило очевидцу этих событий большевику Г. Е. Дронину заявить в своих воспоминаниях: "Гражданская война, я бы сказал, началась в Новониколаевске чуть ли не с первых дней мобилизации в 1914 г."⁹

Более массовый и разрушительный характер приняли волнения мобилизованных в Барнауле, Бийске, Ишиме. "В Барнауле волнения охватили более 20 тыс. запасных. Вместе с рабочими они попытались разгромить здание тюрьмы и освободить содержащихся в ней заключенных. В течение нескольких дней запасные жгли склады и конторы торговых фирм, в т. ч. американских, английских и датских. В огне горели долговые обязательства и торговые книги. Участники волнения захватывали оружейные магазины, громили казенные лавки, склады, дома буржуазии, здание местного отделения „Русского для внешней торговли банка". Общий убыток, по оценке властей, составил более 4 млн руб."¹⁰ Всего, по данным Л. М. Горюшкина, из 247 погибших участников бунтов в России на долю Томской губ. приходится от 136 до 140 чел.¹¹ Анализируя поведение участников массовых беспорядков начального этапа войны, Д. Санборн отмечал: "Бунт представляет собою не единичное действие, а набор их. Когда

баланс власти нарушается и силы традиционных органов управления ослабевают, открывается простор для всех видов деятельности, выходящих за рамки закона. Одни нападают на полицию, другие воруют хлеб, третьи напиваются, многие участвуют и в том, и в другом, и в третьем. Факторами, на фоне которых возникли беспорядки среди призывников 1914 г., были желание напиться, обеспечить себя и семьи продуктами и вещами, показать свое недовольство войной и сделать все возможное для того, чтобы затянуть или нарушить отправку на фронт" ¹². В рамках этой версии С. Ю. Шишкина рассматривает выступления запасных "скорее формой стихийного, нежели организованного протеста, в основе которого лежали естественные человеческие чувства – верность существовавшим традициям и тревога за судьбы близких" ¹³.

Поведение мобилизованных в июле 1914 г. оставило неизгладимое впечатление на властные структуры империи. Г. М. Михайловский вспоминал, "что в военном министерстве еще в царские времена с ужасом думали о демобилизации 16 млн преимущественно совсем молодого мужского населения" ¹⁴.

Традиционное общество оказалось не готовым к жизнедеятельности в условиях затянувшейся войны. Наглядно об этом можно судить по дневникам иркутянина И. И. Серебренникова. Уже 3 сентября 1914 г. он записывает: "Война грозит стать затяжной, и мало надежды на очень скорое прекращение ее, как об этом некоторые думают". Тем не менее 27 ноября того же года он вздыхает: "Война начинает казаться бесконечною". И уже в отчаянии резюмирует 19 января 1915 г.: "Наступило второе полугодие великой отечественной войны. Так рухнули ожидания многих быстрого окончания войны" ¹⁵.

Большое значение в рассматриваемое время имели слухи, в том числе намеренно распространяемые властями. В плане борьбы с "немецким засильем" образцом чисто народного творчества стало обошедшее всю Сибирь известие, "что скрылся командующий войсками Степного военного округа генерал Шмидт" [Степной генерал-губернатор и командующий войсками Омского военного округа в 1908–1915 гг. генерал от кавалерии Е. О. Шмит. – М. Ш.] ¹⁶. Образчиком второго рода слухов стало заявление министра внутренних дел А. Н. Хвостова в октябре 1915 г. "о появлении в Степном крае за последнее время таинственных аэропланов, которые скрываются в немецких колониях, где получают бензин". "История с аэропланами" попала в газеты, и 3 февраля 1916 г. барнаульский уездный исправник доносил губернатору о "случаях появления аэроплана" в Троицкой волости, "причем аэроплан этот местом своих остановок имел мельницу колониста из немцев Франца Петрова Вибе" ¹⁷.

Для пресечения пораженческих настроений в октябре 1914 г. тобольский губернатор А. А. Станкевич объявил населению: "Несмотря на своевременно оглашаемые точные сведения о событиях на театре военных действий... несмотря на общий духовный подъем, находятся еще легковверные лица, легкомысленно повторяющие ни на чем не основанный, распускаемый злонамеренными людьми всякий вздор о положении, действиях и неудачах нашей армии и флота". Высшее должное лицо территории призывал воздержаться от "недостойной слабости", за проявление которой предполагалось налагать на виновников строжайшие взыскания¹⁸

Война пробудила интерес к информации, прежде всего к периодической печати, роль которой неизмеримо возросла. Достаточно сказать, что тираж наиболее популярной иркутской газеты "Сибирь" через месяц после начала боевых действий вырос с 7 до 13 тыс. экземпляров¹⁹ В "Памятной книжке Тобольской губернии на 1915 год" отмечалось, что "в течение настоящей войны не только в городах, но и уездах, чтение газет стало настоящей потребностью всех жителей"²⁰

Несмотря на четко определившийся интерес населения к политическим событиям, во время войны все политические формирования региона находились в состоянии перманентного идейно-теоретического и организационного кризиса. Практически полностью развалились их структуры. Даже в отношении тщательно учитываемых в недавнее время социал-демократов, отмечалось наличие в разное время всего двух организаций РСДРП с оформленными руководящими центрами (Иркутская и Черемховская), еще двух без оформления в Иркутске и Томске, "сильной группы РСДРП с руководящим ядром" в Красноярске и "еще до 20 социал-демократических рабочих групп"²¹. Последние по времени подсчеты, осуществленные А. А. Штырбулом, показывают, что в 1915 феврале 1917 г. в Сибири в разное время действовало 51 оргобразование (организации, группы, кружки) политических партий, по сравнению с 67 в 1911–1914 и 175 в 1905–1907 гг.²² Организации эсеров и социал-демократов были буквально наводнены провокаторами. Кризис усиливался в связи с размежеванием радикалов на интернационалистов, оборонцев и центристов.

По мере развития общеполитического кризиса с конца 1915 г. ситуация начинает изменяться. Прежде всего в рассматриваемое время активизируется деятельность внепартийных объединений в различных сферах. Одной из наиболее влиятельных среди них становятся местные отделы Всероссийского союза городов (ВСГ) и их съезды, создаваемые для оказания всеобщей помощи фронту. При преобладании либералов (кадетов и октябристов), в них работали члены радикальных политических

объединений, в том числе политические ссыльные, прогрессисты и областники. В Восточной Сибири "основное ядро в отделах союза составили наиболее энергичные деятели из числа участников бывших обществ обывателей и избирателей"²¹.

Городские комитеты ВСГ стали возникать в Сибири, за исключением Забайкалья, с конца 1914 г. О характере деятельности их можно судить по отчету иркутского объединения за 1915–1916 гг., в котором упоминались следующие комитеты: помощи раненым воинам, трудовой, помощи беженцам и военно-технический. В структуре комитета действовал приют с учебными мастерскими и обязательным обучением грамоте. Исполнялись различные заказы по снабжению армии на сумму 320 тыс. рублей²⁴.

С 11 по 13 апреля в Омске проходил первый съезд представителей западносибирских городов, избравший комитет объединения. Помимо специфических вопросов организации помощи фронту, на форуме была предложена "незапланированная" резолюция о необходимости отмены правовых ограничений в отношении евреев, "оглашенная", но не принятая. Кроме того, активно обсуждался вопрос о необходимости введения в Сибири земства. По итогам деятельности съезда вышло два номера газеты "Сибирский день", в которых сотрудничали либералы, социал-демократ Ф. А. Березовский, эсеры А. Е. Новоселов и Д. И. Голенищев-Кутузов, областник Г. Е. Катанаев²⁵. В состав Западно-Сибирского комитета ВСГ, помимо либералов, вошли местные социал-демократы К. П. Попов (секретарь), Н. Н. Суслов, Д. А. Лиознер. В конце 1916 г. его председатель кадет В. А. Жардецкий подчеркивал, что объединенные в прочные союзы земско-городские организации "в состоянии будут справиться как с задачами специально-послевоенными, так и со всеми... задачами мирного времени"²⁶.

15 июня 1915 г. состоялся съезд представителей городов Енисейской губ. и организаций, работающих в деле помощи больным и раненым воинам. На нем присутствовали городские головы Красноярска, Ачинска, Канска, Минусинска и Енисейска, представитель красноярского отдела Сибиртета Д. Е. Лаппо, помощник губернского врачебного инспектора Н. Д. Агеев, представитель от медико-санитарного бюро врач Н. М. Знаменский, делегаты от общества "Самодетельность" В. Г. Волков, от отдела общества сельского хозяйства, торговли и промышленности А. В. Байкалов и от попечительства при Переселенческом управлении И. К. Ковригин. И опять, в рамках обсуждения основных вопросов, четко проводилась мысль, что только земство сможет их разрешить²⁷. Первое же заседание Красноярского комитета ВСГ состоялось 26 октября 1914 г.

Более радикальный характер имел состоявшийся 14–19 апреля 1916 г. в Иркутске съезд городов Восточной Сибири, носивший, по определению местных жандармов, "окраску левее кадетской, как минимум кадетской группы левого крыла"²⁸. Среди примерно 40 участников преобладали кадеты (Е. Л. Зубашев, С. В. Востротин, П. И. Федоров, Л. А. Белоголовый, И. И. Циммерман), но были и эсеры, социал-демократы, прогрессисты, областники. Основной задачей форума декларировалось создание регионального объединения городов Восточной Сибири и сплочение вокруг него всех политических группировок региона. Делегат от Благовещенска социал-демократ И. Н. Шишлов сказал: "После войны произойдут выборы в городское самоуправление на самых широких и демократических началах и тогда областной съезд городов будет краеугольным камнем, на котором построится все будущее Сибири". На товарищеском ужине в гостинице "Модерн", после окончания мероприятия, единственной темой многочисленных тостов "было пожелание повторения этих съездов и вера в близкое осуществление идеи областничества"²⁹

На съезде принимается ряд резолюций: "О помощи больным и раненым воинам", "О снабжении армии", "О земстве в Сибири", "Об образовании областной организации городов Восточной Сибири". Так же, как в Омске, "под занавес" на заключительном заседании принимается еще одна безымянная резолюция: "Принимая во внимание, что за последнее время известные круги русского общества усиливают попытки разжигать национальную рознь в России и вследствие этого и в Сибири, чуждой до сих пор этой национальной розни, замечаются попытки возложить вину за общее расстройство жизни на отдельные национальности, съезд находит необходимым заявить решительный протест против этих попыток и снять бремя обвинений, возлагаемых на не повинные в общем несчастье национальности, входящие в состав единой великой России"³⁰

Интерес представляет, казалось бы, специальная резолюция "По продовольственному вопросу", в которой формулируется ряд предложений, направленных на ликвидацию дефицита продуктов питания и обуздания роста цен на них. Во второй части ее перечисляются мероприятия общего характера, необходимые, по мнению делегатов съезда, для успешного решения проблемы: "а) устранение всех условий, тормозящих развитие и проявление общественной самодеятельности; б) скорейшее проведение в жизнь реформы Городового Положения; введение на окраинах земства; немедленное введение земства в Сибири на основе широкого избирательного права, соответственно демократическому составу населения Сибири; в) скорейшее проведение закона о кооперативах; г) сосредоточение продовольственного дела в руках центрального общественного органа, состав-

ляемого из представителей городского и земского союзов, военно-промышленных комитетов, рабочих организаций, кооперативов и общественно-торговых учреждений; д) широкие таможенные льготы для провозимых через устья северных сибирских рек товаров, а для Дальнего Востока для товаров, которые необходимы для развития местной промышленности и сельского хозяйства, и в которых в данное время ощущается острый недостаток" ³¹. Как видим, здесь сосредоточены предложения, касающиеся кардинальных политических преобразований в государстве и регионе.

Другой массовой общественной организацией, возникшей во время войны, стали военно-промышленные комитеты (ВПК). Только в 1915 г. в Сибири их было создано 34 ³². В связи со слабым развитием металлообработки в регионе, недостаточностью станочного парка местные ВПК играли незначительную роль в поставках оборонной продукции. Например, в Омске к ноябрю 1915 г. ВПК "мог поставить себе в заслугу производство 20 тыс. шрапнельных стаканов, около 20 тыс. подков" ³³. Более ощутимым был вклад упомянутых организаций в традиционные для Сибири отрасли. К июню 1916 г. Новониколаевский ВПК поставил для фронта продовольствия и различной обозной упряжи на 879 тыс. р. ³⁴.

Местные политические группировки пытались использовать военно-промышленные комитеты для консолидации общественных сил. При преобладании либералов в них активно работали представители различных политических партий, в том числе и политические ссыльные. Образованный 25 июля 1914 г. Новониколаевский ВПК первоначально возглавили купец 1-й гильдии Н. А. Туркин и бывший городской староста А. Г. Беседин, затем их сменил председатель биржевого комитета, управляющий отделением Русско-Азиатского банка И. К. Пименов и адвокат Н. Е. Жернаков. В число 45 членов комитета входили по одному представителю от Общества торгово-промышленных служащих, потребительского общества "Экономия", Добровольного пожарного общества, от Омской и Алтайской железных дорог, два представителя от товарищества сельских кооперативов, три – от кредитных товариществ, пять – от владельцев промышленных предприятий и десять – от биржевого комитета, городской думы и рабочих ³⁵. Кроме Новониколаевска, рабочие группы действовали в ВПК Бийска и Омска. Причем в Омске группу из пяти человек возглавил социал-демократ, типографский рабочий А. Я. Сулимов, избранный в январе 1916 г. вместе с товарищем председателя ВПК Н. Д. Буяновским делегатом на Всероссийский съезд военно-промышленных комитетов ³⁶.

В Красноярский ВПК, организованный 18 августа 1915 г., входило 383 члена, в том числе 21 ссыльнопоселенец, 8 социал-демократов и

6 эсеров³⁷ Как отмечали местные жандармы в обзоре за 1915 год: "Военно-промышленные комитеты влчат жалкое существование, отношение к ним интеллигенции резко отрицательное, как к учреждениям бюрократическим"³⁸. В Забайкальском областном ВПК преобладали кадеты³⁹

Еще одной массовой организацией, претендовавшей на консолидацию общественных сил, стало Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (Сибиртет), опиравшееся исключительно на частную предприимчивость. Инициативу ее создания выдвинули сибирские депутаты в 4-й Государственной думе, прежде всего члены ЦК кадетской партии С. В. Востротин и В. Н. Пепеляев. По данным В. В. и В. Г. Третьяковых в комитет Красноярского отдела Сибиртета входило 3 предпринимателя и 2 интеллигента, в Иркутске соответственно 5 и 4⁴⁰ Выражая интересы торгово-промышленных кругов региона и либералов, объединившихся в отделения Всероссийского союза городов, военно-промышленные комитеты и прочие формирования, работающие на удовлетворение нужд фронта, ссыльнопоселенец Ф. Ф. Конев писал в 1915 г. секретарю Новониколаевского биржевого комитета, кадету А. Г. Соболеву: "Наше дело только копить силушку, снабжать всем нужным фронт, чтобы сильным внутренним брожением не дать возможности устроить кое-кому сепаратный мир, сославшись на то, что в стране смута, какая де тут война с Германией"⁴¹.

В 1914–1916 гг. усиливается проникновение представителей радикальных политических партий, политических ссыльных и нелегалов в кооперативные организации региона. На базе Мариинского торгово-промышленного товарищества кооперативов Б. Д. Марков, Ф. С. Семенов, М. Я. Линдберг, В. Н. Махов, М. Ф. Омельков, П. Я. Михайлов в марте 1916 г. создают "Сибирский союз социалистов-революционеров" Не случайно местный исправник в декабре того же года констатировал: "Очагом противоправительственных идей является Мариинский Союз кредитных товариществ, во главе которого стоят люди с большим политическим прошлым"⁴². Очень сильными позиции эсеров и социал-демократов были в кооперативных объединениях Иркутска, Красноярска, Забайкальской области⁴³

Эсеры рассматривали кооперацию не просто как "крышу" и канал воздействия на население региона. Им импонировала точка зрения ссыльного публициста Д. И. Голенищева-Кутузова (Дм. Илимского), квалифицировавшего в 1915 г. Сибирский союз маслодельных артелей как пример, который "должен лечь в основу нашей будущей политики в Сибири"⁴⁴. Особая роль отводилась кооперации в послевоенный период. "Я глубоко верю, – писал 21 января 1917 г. с фронта И. Большаков председателю правления

"Закупсбыта" В. Н. Остальцеву, – что с помощью их [кооперативов. М. Ш.] по окончании этой бойни, жизнь трудящегося населения скоро войдет в нормальную колею и наступит новая эра более отрадной и сознательной жизни под флагом кооперативных объединений". Поэтому настойчиво звучали призывы привлечения в рассматриваемые организации ссыльных. "Достаточно, если политическим ссыльным будет дана свобода передвижений по Сибири и будет дана возможность работать в кооперативах", – утверждал А. Яковлев в 1916 г.⁴⁵

В годы войны вновь реанимируется идея введения земства в регионе⁴⁶ Красноярские жандармы по этому поводу отмечали в обзоре за 1915 г.: "Столь же, как и вопросом войны, интеллигенция заинтересована и введением земства в Восточной Сибири, которое по чаяниям местных „культурных сил“ должно объединить все светлые мечты сибиряка; в своих же партийных кругах не скрывают надежду взять в свои руки будущее земство, и заполнить его исключительно людьми из бывших „государственных преступников“ и создания, таким образом, новых устойчивых революционных ячеек наряду с кооперативными органами, которые уже в данный момент являются сплоченными организационными единицами"⁴⁷

Таким образом, к началу Февральской революции политические группировки в Сибири не имели четко налаженной системы партийной работы. Основная деятельность их членов проявлялась во внепартийной сфере. У социалистов проявилась устойчивая тенденция к единым действиям. Имело место создание совместных организаций типа "Военно-социалистического союза" в Томске, Союза сибирских рабочих в Иркутске и т. д. В общей сложности 27 внепартийных формирований социалистов создается для совместной работы среди рабочих, военных, студентов и т. д.⁴⁸ Не произошло в Сибири четкого размежевания по политическим партиям, местная интеллигенция и политические ссыльные проявляли эклектичность, отсутствие четких политических пристрастий. Данное обстоятельство позволило Г. В. Вернадскому заявить, что хотя русские социалисты обвинили кадетов в том, что они борются за интересы среднего класса, в действительности они не были партией среднего класса, а представляли "прослойку между самодержавием и большевизмом"⁴⁹

Во время войны местная интеллигенция в основном заняла оборонческие позиции. Добровольцами на фронт отправились адвокаты, омские кадеты В. О. Петропавловский и Д. С. Каргалов, иркутский областник Г. Б. Патушинский. По сведениям красноярских жандармов (1915): "Борьба с Германией признана обязательной и для социалистов всех оттенков... вследствие чего некоторые из ссыльных русского происхождения собираются ехать немедленно после амнистии в действующую армию"⁵⁰.

Организации политических партий в сибирских городах состояли в рассматриваемое время из интеллигентов, хотя и имелась определенная специфика. Так, по данным иркутского ГЖУ от 22 ноября 1914 г., среди 18 видных членов местной кадетской организации было 2 врача, 4 купца, 3 инженера, учитель гимназии, присяжный поверенный, управляющий отделением банка, 2 мещанина, 3 дворянина⁵¹. По данным же охранки, обработанным М. Тюриным, из 196 членов Иркутской организации РСДРП рабочих по происхождению насчитывалось 4, крестьян – 26, мещан – 60, политссыльных – 11, студентов – 10, учителей – 9, учащихся – 25, дворян – 11, потомственных почетных граждан – 9, государственных служащих и их детей – 18, врачей – 3, детей духовенства и купцов – 18, солдат и офицеров – 2⁵². Проанализировавший данные на 214 меньшевиков, отбывавших в 1907 – феврале 1917 гг. ссылку в Восточной Сибири, В. В. Кудряшов установил, что рабочих среди них было 31,4 %, интеллигентов – 26,2 %, с высшим и средним образованием – 60,2 %⁵³.

Организации, таким образом, отличались достаточно сложной социальной стратификацией, представители партийных элит являлись выходцами практически из всех сословий и социальных групп российского социума, отличались достаточно высоким уровнем образования. Произведенный нами анализ актива Обской (Новониколаевск) группы РСДРП (Г. Е. Дронин, В. Р. Романов, А. И. Петухов, А. А. Черепанов, Ф. П. Серебренников) показал, что среди ее представителей не было ни одного пролетария, а все они относились к динамичному слою российского общества этого времени, будучи в значительной степени продуктом перемещения (мобильности) снизу вверх. Примерно такая же картинка вырисовывается при анализе жизненного пути эсеровского актива города⁵⁴.

Вместе с тем между изучаемыми политическими группировками имелись и определенные различия. По данным В. В. Кудряшова: "Меньшевики опирались на квалифицированных, политически грамотных пролетариев. Основная масса ссыльных меньшевиков вышла из городской среды, что влияло на уровень образования и общей культуры революционеров. Среди меньшевиков преобладали люди с определенным жизненным опытом, предпочитавшие легальные методы борьбы за преобразование общества"⁵⁵. Лидер омских кадетов В. А. Жардецкий следующим образом характеризовал "соборного проходимца" – революционера: "Ядро это подполье, ссылка и эмиграция последних лет. России не знают. Россию любить не умеют... Тело в значительной степени инородное и чуждое. Спора, крика, азарта – хоть отбавляй. По части добрых нравов общественных – несомненный ущерб – негде и некогда было научиться"⁵⁶. Во время

войны в регионе происходит утверждение новой генерации кадетов, будущих активных участников социального катаклизма 1917–1920 гг. А. А. Балакшина, Н. Д. Буяновского, В. А. Жардецкого, Д. С. Каргалова, В. Н. Пепеляева, А. И. Есилевича, Г. Г. Тельберга, Ф. Ф. Филимонова и др.⁵⁷.

Осуществленный нами анализ основных тенденций развития политического процесса в Сибири во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) показывает, что регион, как и государство в целом, стояли на пороге мощного социального катаклизма. Буквально за несколько дней до его начала провинциальная новониколаевская газета "Голос Сибири", фактически руководимая бывшим членом ЦК РСДРП Н. А. Рожковым, в передовой статье предупреждала: "Мы подошли к грани, где очень трудно наладить сговоры и уступки; интересы до того оголились, они дышат небывалой непримиримостью, что нет уже сил, которые направили бы их по одной дороге"⁵⁸.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 9. Ч. 82. Л. Б. Л. 1, 3, 5, 11, 13; Оп. 1917. Д. 9. Ч. 87. Л. Б. Л. 1, 2.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1048. Л. 91.

³ Там же. Д. 1063. Л. 2.

⁴ ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 391. Л. 1.

⁵ Цит. по: Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1907 гг. Иркутск, 1997. С. 206.

⁶ Сибирь (Иркутск). 1917. 18 февр.

⁷ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 269. Л. 25.

⁸ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 89.

⁹ ГАНИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 405. Л. 5.

¹⁰ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Новосибирск, 1987. С. 59.

¹¹ Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в годы Первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. 1979. № 11, вып. 3. С. 97.

¹² Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 209.

¹³ Шишкина С. Ю. Война и общественные настроения: 1914-й год (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 55–56.

¹⁴ Михайловский Г. Н. Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг. М., 1993. Кн. 2. С. 149.

¹⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1. Л. 46, 111, 141.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Маттис А. Э. "Борьба с немецким засильем" в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 59.

- ¹⁸ Цит. по: Шишкина С. Ю. Война и общественные настроения... С. 58.
- ¹⁹ ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ²⁰ Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск, 1915. С. 17.
- ²¹ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 392.
- ²² Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая четверть XX века). Омск, 2003. Ч. 1. С. 233–234.
- ²³ Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири. С. 194.
- ²⁴ Иркутская жизнь. 1917. 17 февр.
- ²⁵ Очерки истории города Омска / Под ред. А. П. Толочко. Омск, 1997. Т. 1. С. 264.
- ²⁶ Безродный К. Э. В. А. Жардецкий: "По чувству долга, но без радости надежд" // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность. Омск, 1998. С. 93; Макаrchук С. В. Создание военно-промышленных комитетов в Акмолинской области в годы Первой мировой войны // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.). Омск – Кокшетау, 2001. С. 168.
- ²⁷ ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27. Л. Б. Л. 24.
- ²⁹ Там же. Л. 21, 26, 27.
- ³⁰ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 357. Л. 10.
- ³¹ Там же. Л. 7.
- ³² Макаrchук С. В. Создание военно-промышленных комитетов... С. 169.
- ³³ Очерки истории города Омска. С. 267.
- ³⁴ Бочанова Г. А. Новониколаевский военно-промышленный комитет: создание и деятельность (1915–1916 гг.) // Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX веков. Новосибирск, 2004. С. 153.
- ³⁵ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом. Новосибирск, 1978. С. 190.
- ³⁶ Макаrchук С. В. Создание военно-промышленных комитетов... С. 170.
- ³⁷ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1884. Л. 47–54.
- ³⁸ Там же. Д. 282. Л. 2 об.
- ³⁹ Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири... С. 203.
- ⁴⁰ Там же. Л. 199.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 27. Ч. 81. Л. Б. Л. 2.
- ⁴² ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6928. Л. 228.
- ⁴³ Архангельский В. Г. Первый месяц февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь (Прага). 1927. № 1. С. 48; Гуревич В. Я. Февральская революция в Красноярске // Там же. № 2. Л. 113; Сорокина О. Ю. О легальной деятельности эсеров в Сибири в годы Первой мировой войны // Омские исторические чтения. Омск, 2003. С. 125.
- ⁴⁴ Илимский Дм. Иностранные капиталы и промышленные возможности Сибири // Северные записки. 1915. № 7–8. С. 253.
- ⁴⁵ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1591. Л. 14; Яковлев А. Кооперация и ссылка // Сиб. жизнь (Томск). 1916. 11 февр.

- ⁴⁶ Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 28; Вологодский П. В. К вопросу о земстве в Сибири // Сиб. жизнь. 1916. 12, 24 февр.
- ⁴⁷ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 282. Л. 8об.
- ⁴⁸ Макарчук С. В. Политическое подполье в восточных районах России (июнь 1907 – февраль 1917 г.). Кемерово, 1994. С. 223.
- ⁴⁹ Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор (1931). М., 1998. С. 16.
- ⁵⁰ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 368. Л. 26 об.
- ⁵¹ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 335. Л. 3 об.
- ⁵² Там же. Д. 19. Л. 51.
- ⁵³ Кудряшов В. В. Меншевики в восточносибирской ссылке (1907 – февраль 1917 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. С. 24.
- ⁵⁴ Шиловский М. В. Специфика политического поведения крестьян и городских обывателей Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы менталитета в истории и культуре. Новосибирск, 2004. Вып. 2. С. 177–179.
- ⁵⁵ Кудряшов В. В. Меншевики в восточносибирской ссылке... С. 28.
- ⁵⁶ Цит. по: Безродный К. Э. В. А. Жардецкий... С. 93–94.
- ⁵⁷ См.: Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 1995. Вып. 2: Либералы. С. 52–53.
- ⁵⁸ Голос Сибири (Новониколаевск). 1917. 10 февр.